

ОТЗЫВ

официального оппонента, доктора философских наук, ведущего научного сотрудника Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института философии и права Сибирского Отделения Российской Академии Наук Винника Д.В. на диссертацию Иванова Дмитрия Валерьевича «Феноменальная природа сознания. (проблема натуралистического объяснения сознания)», представленного на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 - онтология и теория познания.

Диссертация Д.В. Иванова посвящена актуальной теме. Проблема феноменальной природы сознания или онтологического статуса чувственных данных является классической для философии, начиная с периода Нового Времени. С одной стороны, эта проблема является, бесспорно актуальной в специфическом смысле, а именно как классическая философская проблема, достойная диссертации на соискание степеней доктора философских наук. Однако, обращение к классическим проблемам несет на себе известную опасность заикливания на схоластических рассуждениях, что неизбежным образом отрицательно сказывается на такой характеристике работы, как научная новизна. Д.В. Иванову удалось избежать этой опасности в полной мере благодаря обращению к богатому современному материалу конкретно-научных дисциплин, а также способам их теоретического осмысления на философском уровне мышления. Данные когнитивных наук существенно преобразили наши знания о природе субъективности, что требует вдумчивого философского переосмысления классических философских концептуальных каркасов. Эта существенная особенность отмечается автором в описании актуальности и степени разработанности темы своего научного исследования.

Лаконичное название диссертации является достаточно редким явлением в наше время. Автор явным образом задает высокую фундаментальную планку своих исследовательских притязаний, соответствующих заявленной специальности. Сразу следует обратить внимание, что, ознакомившись с текстом, можно прийти к выводу, что эти притязания оказываются вполне оправданными.

Любопытно, что автор формулирует задачи исследования в сильной философской манере, а именно, детально объясняя, что требуется «доказать» и «обосновать», а не просто «исследовать», «обнаружить» или «выявить». Это является проявлением смелого подхода, говорящего о наличии собственной концепции. Очевидно, что у автора есть сложившиеся философские убеждения и, он откровенно объясняет, какие дополнительные обоснования ему необходимы для убедительности его точки зрения, исходя из сложившейся структуры знания по выбранному предмету.

Также к явным достоинствам работы следует отнести содержательное и осмысленное описание теоретических и методологических основ исследования, что встречается далеко не часто в гуманитарных дисциплинах, к которым обычно относят философию. Как правило, у многих соискателей на научные степени, этот раздел носит формальный вырожденный характер, пестрящий упоминаниями дедукций, индукций, компаративистики и прочих дежурных научных и даже наукообразных терминов.

Очевидным достоинством работы является богатство представленного теоретического материала, — автор не просто упоминает, а подробно описывает положения и анализирует аргументы более десятка различных концепций в философии сознания, демонстрируя содержательные связи между ними, взаимозависимость аргументов и следствий. Работа состоит из введения, восьми глав, заключения и списка

литературы. Также работа содержит интересные и уместные иллюстрации, что далеко нечасто встречается в философских диссертациях по данной специальности. Рассмотрим основной текст работы и укажем на его достоинства и недостатки, двигаясь от начала к заключению.

В первой главе автор подвергает критике картезианский концептуальный каркас. В параграфе 1.1. он демонстрирует знания истории философии и убедительно доказывает, вопреки распространенному заблуждению, что проблема ментальной каузации не является серьезным препятствием для дуализма, поскольку концепция предустановленной гармонии является логически непротиворечивой. Автор обращает внимание на класс аргументации, известный в общем виде, как т.н. модальный аргумент: «Данный аргумент породил в двадцатом веке ряд аргументов со сходной формой: модальный аргумент Крипке, аргумент от мыслимости зомби, аргумент от отсутствия квалиа, аргумент от инверсии спектра. Все эти аргументы можно обозначить как картезианские аргументы» (С.38). Последнее утверждение является слишком сильным с точки зрения истории философии. Модальный аргумент был обнаружен еще в теологическом доказательстве Ансельма, структуру которого в наглядной форме вскрыл монах Гаунило. С таким же успехом все перечисленные аргументы можно назвать ансельмовскими, а не картезианскими.

В параграфе 1.2 автор описывает аргументацию Крипке, применимую в защиту дуализма и успешно критикует ее. В параграфе 1.3. автор объясняет затруднения картезианской философии, проистекающие из отхода от аристотелевской концепции души как анимирующего начала. Автор фактически обращает внимание на включение Декартом в понятие «Я» интенциональных (*imaginationes*), и качественных состояний (*sensus*), однако не использует в данном случае эти столь важные для него термины. Это существенный момент, на который обращают внимание немногие философы. К ним следует отнести В. Хёсле, Я. Кима сего «дизъюнктивным аргументом», а также Р. Рорти. Подобное включение в структуру души состояний обеих типов действительно является отходом от аристотелевской концепции души и влечет существенные теоретико-познавательные последствия. Можно сказать, что в философии Аристотеля разумная часть души является носителем интенциональных состояний, животная – качественных.

На С.54 автор приводит интересную цитату Декарта, содержащую следующее утверждение: «Ибо, конечно, ощущения жажды, голода, боли и т. п. суть не что иное, как некие смутные модусы мышления, происходящие как бы от смешения моего ума с телом». Таким образом, обращается внимание на наличие в философии Р. Декарта интенционалистского взгляда, что является нетривиальной находкой. Далее автор уверенно и обоснованно интерпретирует зомби-аргумент как модальный.

Вторая глава посвящена анализу монистических решений психофизической проблемы. В параграфе 2.1 критикуется логический бихевиоризм. Доказывается, что данная концепция основанная на принятии верификационистской теории значения, которую следует считать ограниченной. Так же автор присоединяется к холистической критике этой весьма вульгарной теории.

В параграфе 2.2. автор совершенно справедливо расценивает функционализм как способ опровержения типового тождества на основании принятия положения о множественной реализации ментальных состояний.

В параграфе 2.3. на С. 75 автор пишет: «В каком-то смысле можно сказать, что функционализм является продолжением бихевиоризма, но в отличие от него определяет ментальные состояния не только относительно того, что обозначается входом и выходом, или стимулом и реакцией, но и относительно иных ментальных состояний, в которых пребывает организм». Автору удалось ухватить не вполне очевидное сходство логико-методологической структуры бихевиоризма и функционализма, однако, тот факт, что первый предшествовал второму, вряд ли является основанием утверждать, что второй является продолжением первого. Скорее будет справедливым утверждать, что обе

концепции принадлежат к одному теоретико-познавательному типу, а именно к онтологии отношений в противовес онтологиям вещей и свойств, если воспользоваться терминологией А.И.Уёмова. Впрочем, приведенный «трюк» с рамсификацией красиво демонстрирует, как функционализм превращается в бихевиоризм в случае игнорирования внутренних вычислительных отношений.

В параграфе 2.4 на С. 87 автор осторожно указывает: «Как мне кажется, если мы признаем существование особых, не редуцируемых к физическим состояниям ментальных состояний, то мы просто возвращаемся к дуализму субстанций». Это утверждение спорно, хотя бы по тому, что с ним не согласны сторонники дуализма свойств, отрицающие дуализм субстанций.

На С.90 автор верно утверждает: «Я полагаю, что в настоящее время функционализм является единственным конкурентом позиции нередуктивного физикализма». Следует отметить, что функционализм является не только конкурентом, но и союзником нередуктивного физикализма по многим вопросам, что, впрочем, очевидно осознается автором.

На С.90 автор заблуждается относительно нередуктивного физикализма: «Такая позиция неудовлетворительна в том смысле, что в отличие от дуализма субстанций она не избегает вопроса о том, каким образом в каузально замкнутом физическом универсуме возможно существование каких-либо свойств, которые мы в принципе не в состоянии объяснить, ссылаясь на физические процессы». Дело в том, что в рамках таких форм нередуктивного физикализма, как эмерджентизм и учения о формах движения материи, постулируется целая иерархия свойств, включая не ментальные (химические, биологические и социальные), которые не дедуцируемы к свойствам более низких уровней организации вещества.

В параграфе 3.1. автор пишет: «таким образом разработка эпистемологических вопросов, связанных с субъективностью, способна пролить свет на онтологию сознания. Я полагаю, это возможно при одном условии: эпистемологический анализ субъективности должен быть одновременно онтологическим исследованием природы сознательного опыта». (С.94) Это утверждение формально противоречит утверждению в Заключении работы на С. 285: «В третьей главе исследуется феномен субъективности. В этой главе отмечается, что понимание феноменальной природы сознания не зависит от эпистемологических исследований того, каким образом нам даны субъективные феномены». Также к недостатку работы следует отнести, что при рассмотрении проблематики знания о субъективном автор не прибегает к использованию такого понятия как полнота знания, весьма уместного в данном случае.

Параграф 3.2 «Критический анализ теорий репрезентаций высшего порядка» исключительно интересен, поскольку затрагивает вопрос о сущности не только сознания, но и связи сознания и мышления. Обычно в рамках такого подхода сознательные состояния отождествляют с, как минимум второпорядковыми ментальными состояниями, т.е. с самосознанием, интроспекцией, рефлексией. В порядке полемики следует обратить внимание на главу в книге Р. Смаллиана «Вовеки неразрешимое» про «осознание самосознания», в которой он обосновывает тезис, что в иерархии рефлексивных мыслителей только начиная с Мыслителей 4-го уровня (они же формальные Системы типа 4)они знают, к какому типу они принадлежат. Таким образом, в эпистемической логике разработана концепция, согласно которой осознание самосознания является наиболее фундаментальной формой рефлексивного мышления, да и мышления вообще, поскольку в рамках данной концепции, мышление без самореференции невозможно в принципе. Также на осознание самосознания как возможный биологический феномен обращал израильский ученый Д. Танненбаум, допуская, что осознание самосознания является фундаментальным свойством разумных существ, лежащем в основе феномена разума.

На С.107 содержится интересное утверждение: «Несомненно, введение понятия интроспективного сознания могло бы быть очень полезным для объяснения различных психических и биологических феноменов. Скажем, мы могли бы использовать его для объяснения феномена единства сознания, рассматривая интроспективное сознание как инструмент психической интеграции». Любопытно, что подобный взгляд был характерен для идеалиста И. Канта, который, по словам М.Мамардашвили, рассматривал трансцендентальное сознание как уровень синхронизации ментальных состояний низших порядков.

При прочтении описания автором критики теорий репрезентации высшего порядка вызывает некоторое недоумение отсутствие упоминания аргументации Г. Райла о не существовании интроспективных ментальных состояний. Между тем, эта критика более классична, проста и радикальна, нежели критика Гюзелдере.

В параграфе 3.3. на С.116 указано: «Этот вопрос становится еще более сложным, если принять во внимание, что информационные процессы, протекающие в нашем организме, могут быть связаны не только с психической активностью, но и, скажем, с работой пищеварительной системы». Это очень интересное замечание, по той причине, что психофизиолог В. Пигарев считает, что кора головного мозга, которой приписывается свойство быть субстратом сознания, в процессе сна не отключена, а выполняет «регламентные работы» по калибровке пищеварительной системы.

Параграф 4.1 «Общая стратегия объяснения сознания» начинается с исключительно радикального тезиса: «Решить проблему сознания — это значит предложить натуралистическое объяснение сознания». Подобного рода сильная формулировка в очередной раз свидетельствует о серьезных теоретических притязаниях автора.

Параграф 4.2. посвящен различению феноменального сознания и сознания доступа. Дмитрий Валерьевич приходит к верному выводу, согласующемуся с прочими тезисами, что сознание доступа без феноменального сознания невозможно. На С. 142 он пишет: «В этом случае у нас будет наличествовать Д-сознание без Ф-сознания. Представить такую ситуацию фактически означает признать концептуальную возможность зомби — существ, функционирующих подобно обычным людям, но лишенных феноменального сознания. По сути, зомби — это совершенный искусственный интеллект, который способен к такой же психической активности, как и нормальный человек, однако в отношении которого было бы неправильно говорить о наличии особого опыта бытия в качестве компьютера, то есть о наличии феноменального сознания». Данное утверждение о тождестве существ без феноменального сознания с философскими зомби, выглядит формально верно согласно определению зомби, однако под состояния D-сознания подпадают чисто рефлексивные состояния, например состояния бога Аристотеля или разумная часть души, оторвавшаяся от тела и потерявшая все воспоминания, которая вечно мыслит самого себя. Конечно, этих существ также можно отождествить с зомби, но вряд ли это соответствует интуитивному пониманию аристотелевской философии.

На С.147 автор делает очень важный и верный вывод, что понятие феноменального сознания должно обозначать особые нефункциональные — возможно, биологические — свойства ментальных состояний. Действительно, точка зрения, согласно которой качественные состояния успешнее редуцируемы к физическим, чем интенциональные к функциональным, является не только теоретически обоснованной, но и содержит немало эмпирических подтверждений.

Глава 5 посвящена аргументу от отсутствия квалиа. Автор успешно доказывает, что если рассмотреть спор интенционалистов и не-интенционалистов из перспективы решения психофизической проблемы, то он предстанет как полемика между функционализмом и дуализмом свойств (нередуктивным физикализмом). Как указывалось ранее, автору удается привлекать конкретно-научные аргументы, причем порой эти аргументы демонстрируют полную несостоятельность некоторых сильных выводов, сделанных на основании мысленных экспериментов и прочих подобных

идеализаций. Одной из удачных находок автора, демонстрирующих ложность аргумента об инверсии спектра являются модели цветового пространства Манселла. Данная модель наглядно демонстрирует, что в случае эксперимента с инверсией спектра совершенно не учитываются отношения между цветами, такие относительные параметры как насыщенность и яркость, знакомые каждому, кто хоть немного изучал оптику или радиофизику. Автор истинно утверждает, что демонстрация асимметрии цветового пространства позволяет показать, что ситуация инверсии спектра эмпирически, или номологически, невозможна. Невозможно, чтобы два субъекта были тождественны друг другу бихевиорально и функционально, но при этом по-разному воспринимали бы цвета.

Глава 7 посвящена аргументу знания, содержит корректную и понятную критику выводов из мысленного эксперимента Ф. Джексона «Мэри».

В главе 8 «Интенционализация квалиа» автор подробно описывает историю возникновения и содержание понятие интенциональности, формулирует собственную концепцию соотношения качественных, интенциональных, функциональных и физических состояний; подвергает критике интенциональный интернализм Т.Крэйна, делая следующий существенный вывод: «Однако, как мне кажется, мы можем сделать из этого другой вывод. В ситуации отсутствия объекта наши интенциональные состояния находятся в определенных отношения ко всему миру». (С.265). Стоит обратить внимание, что вывод Дмитрия Валерьевича явно бы пришелся по духу создателю трансцендентальной феноменологии, рассматривавшего интенциональность как сквозную структуру сознания, как некий непрекращающийся акт первичной обращенности сознания к миру. Что бы не творилось в сознании, какие бы искажения и галлюцинации не трансформировали бы его содержание, в нем всегда будет присутствовать скрытое отношение к реальным объектам внешнего мира, пусть даже только в памяти. В этом смысле критика «раздувания онтологии» вследствие придания избыточной значимости статусу интенциональных объектов, ведущая к появлению онтология несуществующих объектов, демонстрирует глубокое понимание автором истоков проблематики. Несмотря на декларирование использования методов аналитической философии, автор, к счастью, избегает филологизации проблематики несуществующих объектов, демонстрируемых конструкциями типа «I have no idea», последовательно следуя сущностным рассуждениям, что говорит в пользу классического философского характера работы.

В параграфе 8.2 «Экстерналистская интерпретация ментальных репрезентаций» автор выдвигает и доказывает свою версию экстернализма, апеллируя к тезисам эволюционной эпистемологии на С.275: «Оставаясь на позициях экстернализма, мы можем мыслить репрезентативные состояния как характеризующиеся, прежде всего своей телеологической ролью, то есть закрепленной эволюционно способностью отслеживать соответствующие объекты окружающей среды». Любопытно, что здесь мы вновь можем наблюдать тенденцию возвращения к аристотелевским взглядам, согласно которым состояния растительной и животной души «смешаны» с природными объектами, поскольку от них зависят в процессе становления природы.

Также к явным достоинствам работы следует отнести ее продуманную структуру и выверенную динамику разворачивания логики изложения. Один из самых важных и нетривиальных выводов содержится в последнем параграфе на С.282: «Я полагаю, мы должны признать верным следующее решение. Любое конкретное интенциональное состояние относится к определенному типу функциональных состояний, но не каждое единичное функциональное состояние этого типа тождественно данному интенциональному состоянию. Иначе говоря, присутствие функционального состояния определенного вида является необходимым, но не достаточным условием наличия интенционального состояния соответствующего типа. Существа, лишённые феноменального сознания и обладающие им, могут быть тождественны функционально, но это не означает, что они обладают одинаковыми репрезентативными состояниями. Для

того чтобы некое существо, находящееся в определенном функциональном состоянии, пребывало также в соответствующем интенциональном состоянии, необходимо, чтобы оно именно представляло определенный объект, а не вело себя так, как будто оно репрезентирует его».

С одной стороны, автор склонен редуцировать качественные состояния к физическим, справедливо отрицая возможность множественной реализации качественных состояний. С другой стороны, он является сторонником интенционализации качественных состояний, как репрезентирующих внешние физические объекты. Кроме того, автор справедливо указывает на онтологическую связь интенциональных и функциональных состояний в последнем абзаце, однако, судя по смыслу, что под интенциональными состояниями в данном случае понимаются не убеждения, мысли, желания и страхи, а именно качественные состояния в своем интенциональном аспекте. Вывод был бы более ясен, если бы это было оговорено в явной форме. К еще одному недостатку работы следует следующее. Автор последовательно критикует нередуктивный физикализм, впрочем, избегая декларации в приверженности физикализму редуktivному. Это создает некоторую интригу у читателя. Однако, поскольку он, как видно в последнем приведенном отрывке текста, признает тезис о множественной реализации интенциональных состояний, может означать, что он признает некоторые результаты нередуктивной концепции. Этот момент располагает к пояснению. Очевидно, что наши мысли и убеждения находятся в менее сильной связи с нашими физическими состояниями, нежели наши состояния перцептивные, справедливо ли это по отношению к состояниям не физическим, а функциональным? Это является предметом для полемики.

В любом случае, автор сумел сконцентрировать свое внимание на самых существенных философских категориях относительно данного предмета, выделить их сформулировать свою концепцию отношений между ними. Это категории физических, качественных, интенциональных и функциональных состояний. Это свидетельствует о том, что автор диссертационного исследования сумел проникнуть в само ядро проблемы сознания в заявленной формулировке.

Представляется важным содержательно описать ценность работы. Дело в том, что исключительно многообразное поле философии сознания породило с точки зрения конкретно-научного знания огромное количество самых странных концепций по своим декларируемым допущениям и неочевидным следствиям. Порой это выродилось в генерирование разнообразных теоретико-познавательных мифов, проистекающих из измышления мысленных экспериментов, граничащих даже не столько с научной фантастикой, сколько с удручающей схоластикой. Порой это было следствием увлечения формально-логическими и лингвистическими спекуляциями, игнорированием актуального научного знания. Дмитрий Валерьевич не только сумел проявить высокий уровень критического мышления, продемонстрировав виртуозную технику разоблачения подобного рода спекуляций, но и показать творческие способности, сконструировав концепцию, способную оправдать материалистический концептуальный каркас на сложном для него проблемном поле. По прочтении создается устойчивое впечатление, что Д.В. Иванов действительно обладает глубоким знанием о том, как устроена психика и сознание, а не просто владеет корректными способами употребления соответствующей терминологии, что само по себе не мало.

Важно иметь в виду, что данная работа абсолютно лишена всяческой конъюнктурности, стремлению следовать модным течениям, по своим выводам согласуется с духом и интуитивными взглядами естественных наук на природу психики и сознания, при этом лишена сухости и банальности, порой характерных для некоторых работ по данной теме прошлой эпохи отечественной философии.

Необходимо отметить, что работа написана очень хорошим академическим языком, аргументация автора носит ясный и логичный характер.

Высказанные замечания ни в коей мере не снижают высокой оценки диссертации. Диссертация посвящена актуальной и современной тематике; научные положения, выносимые на защиту являются глубоко обоснованными достоверными; выводы логически и содержательно аргументированы, рекомендации представляют ценность как для философского, так и для конкретно-научного знания; сформулированные положения и выводы обладают достоверностью и новизной. Основные результаты исследования в полной мере отражены в публикациях автора, также автореферат адекватно отражают содержание диссертации. Учитывая сказанное, можно сделать вывод, что содержание диссертации Д.В. Иванова «Феноменальная природа сознания. (проблема натуралистического объяснения сознания)» соответствует специальности 09.00.01. - онтология и теория познания, по которой она представлена к защите, а также требованиям пункта 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а её автор Д.В. Иванов заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук.

Винник Дмитрий Владимирович
доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук

Подпись *Винник ДВ*
заверяю.
Главный специалист
отдела кадров ИФПР СО РАН
«14» 01 2016г.

